

СИЛЬНОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Культура. — 1994. — 5 марта. — С. 8.

ХИМЕРЫ ХИМЕНЫ

Спектакль французского хореографа, кинорежиссера и фотографа Карин Сапорта «Быки Химены» похож на волшебный, спиритический сеанс — постановщица поворачивает блюдечко воображения, вызывая духов театра.

Актриса в пышном барочном платье нашептывает монологи Химены из «Сида» Корнеля. Шепот стирает значения слов, превращая декламацию в магическое заклинание. Глазок света в клубах тумана подглядывает за происходящим. Яркое пятнышко оборачивается обломком фарфоровой маски. Еще одно скольжение луча — и среди бутафорского дыма появляется кукла, осторожно крадется, сдерживая покрывала с бархатных кресел. Пластикой марионеток, абсолютной, рафинированной грацией сверхъестественных существ наделяет Сапорта своих танцовщиц.

Кукла — вечный атрибут театра, фантом игры — оживает бордовые сумерки зрительного зала (такова замкнутая декорация спектакля). Вырвавшаяся из рук кукловода, она сама теперь дергает за ниточки, управляя причудливым

представлением. И темная сцена вдруг превращается в залитую солнцем арену для боя быков, где два тореадора, словно два отражения, — гордые пленники корриды. Возвышенный спектакль сливается с грубой бойней, публику, забывшую о своих высоких переживаниях, захлестывает азарт. По прихоти куклы все меняется местами, и главными актерами оказываются зрители.

«Замкнувшись в собственном мирке, я нахожусь под неусыпным взглядом огромной подзорной трубы из меди. Но тотчас «опрокидываю» ситуацию, оказываясь по другую сторону этой трубы и превращаясь из объекта наблюдения в наблюдательницу», — писала Карин Сапорта об одной из своих фотографических работ. Смена ракурсов и точек наблюдения продолжается и в «Быках Химены». Совмещая невидимые объективы, Сапорта творит странный оптический обман. Свет карманных фонариков кажется мерцанием свечей. Мелькают инфанты с полотен Веласкеса, призраки из фильмов Феллини, принцессы и химеры; у смерти и у любви, оказывается, одинаковое личи-

ко куклы... Сапорта выдумывает неправдоподобно прекрасный мир, иллюзорно невесомый и утяжеленный избыточной роскошью.

Завораживающее зрелище провоцирует шествие красивых слов. Постмодернистка Сапорта грезит о маньеризме и барокко, она — экскурсовод в музее чьей-то неведомой памяти. Длинная анфилада смутных воспоминаний кончается зеркалом и оттого кажется бесконечной. Сапорта пытается оживить какую-то старинную картину, но она разлетается на фрагменты, мешается с другими впечатлениями. В гипнотически монотонном ритме вращаются осколки разных пространств. Образы превращаются в полунамеки, интригуют недосказанностью, сплетаются в коллаж. Бесконечное кружение повторов останавливает течение действия, преобразя спектакль в гигантскую фотографию вымысла.

Елена ГУБАЙДУЛЛИНА.

P. S. Знакомство с творчеством Карин Сапорта состоялось благодаря АО «ГОСКО» и Французскому культурному центру, организовавшим гастроль Национального хореографического центра Кана и Нижней Нормандии, за что им большое спасибо.